Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/HJEFVL
УДК 821.411.21.0
ББК 83.3(5)

МАКАМА КАК ФОРМА ЛИТЕРАТУРНОГО КРАСНОРЕЧИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА В АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В.

© 2026 г. А.Б. Куделин
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 12 декабря 2025 г.
Дата одобрения рецензентами: 30 января 2026 г.
Дата публикации: 25 марта 2026 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-1-10-31

Аннотация: Статья посвящена исследованию эволюции жанра *макама* в арабской литературе XIX в. в контексте перестройки жанровой системы и трансформации риторического сознания. В центре анализа находится сборник *макам* Насифа ал-Йазиджи «Маджмаʿ ал-бахрайн» («Слияние двух морей»), сыгравший значительную роль в дискуссиях о соотношении средневековой традиции и новой арабской литературы. На материале исследований отечественных и европейских востоковедов (А.Е. Крымского, И.Ю. Крачковского, Х.Л. Флейшера и др.) рассматриваются причины расхождений в оценках творчества ал-Йазиджи и самого жанра *макамы*. Автор показывает, что обращение к классическим образцам *макамы* в середине XIX в. следует понимать не как эпигонство, а как форму «нестилизационного подражания», основанного на принципе риторического соперничества. Анализ фигуративных и графических приемов, а также содержательной стороны *макам* позволяет выявить сохранение средневекового типа риторического мышления в условиях переходной эпохи и уточнить место *макамы* в процессе формирования новой арабской литературы.

Ключевые слова: *макама*; арабская риторика, риторическое соперничество, *бадиʿ*, нестилизационное подражание, ал-Харири, Насиф ал-Йазиджи, средневековая поэтика, арабская литература XIX в.

Информация об авторе: Александр Борисович Куделин — академик РАН, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель ИМЛИ РАН, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, 125009 г. Москва, Россия. https://orcid.org/0000-0002-9802-5382

E-mail: abkudelin@yandex.ru

Для цитирования: *Куделин А.Б. Макама* как форма литературного красноречия: эволюция жанра в арабской литературе XIX в. // Studia Litterarum. 2026. Т. 11, № 1. С. 10–31. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-1-10-31

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 1, 2026

THE *MAQĀMA* AS A FORM OF LITERARY ELOQUENCE: GENRE EVOLUTION IN 19TH-CENTURY ARABIC LITERATURE

© 2026. Alexander B. Kudelin

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: December 12, 2025
Approved after reviewing: January 30, 2026
Date of publication: March 25, 2026

Abstract: The article examines the evolution of the *maqāma* genre in 19th-century Arabic literature in the context of the reconfiguration of the genre system and the transformation of rhetorical consciousness. The analysis focuses on Nāṣīf al-Yāzijī's collection of *maqāmāt Majmaʿ al-Baḥrayn* (*The Confluence of the Two Seas*), which played a significant role in debates concerning the relationship between medieval tradition and modern Arabic literature. Drawing on the works of Russian and other European Arabists (A.E. Krymsky, I.Yu. Krachkovsky, H.L. Fleischer, and others), the article explores the reasons for divergent assessments of al-Yāzijī's oeuvre and of the *maqāma* genre itself. The author argues that the recourse to classical *maqāma* models in the mid 19th century should be understood not as epigonism, but as a form of "non-stylized imitation" grounded in the principle of rhetorical rivalry. An analysis of figurative and graphic devices, as well as the thematic content of *the maqāmāt*, reveals the persistence of a medieval type of rhetorical thinking in a transitional period and helps to clarify the place of the *maqāma* in the formation of modern Arabic literature.

Keywords: *maqām*a, Arabic rhetoric, rhetorical rivalry, *badīʿ*, non-stylized imitation, al-Ḥarīrī, Nāṣīf al-Yāzijī, medieval poetics, 19th-century Arabic literature

Information about the author: Alexander B. Kudelin, Academician of the RAS, DSc in Philology, Professor, Scholarly Director of the Institute, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia; Professor, Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya St., 11, 125009 Moscow, Russia.
https://orcid.org/0000-0002-9802-5382

E-mail: abkudelin@yandex.ru

For citation: Kudelin, A.B. "The *Maqāma* as a Form of Literary Eloquence: Genre Evolution in 19th-Century Arabic Literature." *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 1, 2026, pp. 10–31. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-1-10-31

Предпосылки формирования системы арабской литературы Нового времени начались с малозаметных, но важных изменений уже в зрелое Средневековье (подробнее см.: [9; 11]). Однако они стали явственно осознаваться большинством европейских и восточных исследователей как необратимый процесс лишь при анализе произведений арабской литературы, относящихся к периоду начиная не ранее конца XVIII в. В это время становятся более ощутимыми признаки перехода к новому типу художественного мышления, трансформации традиционных жанров, перестройки жанровой системы в целом с изменением иерархии традиционных жанров с выходом на первый план прозаических жанров, оттеснивших доминировавшие до того времени поэтические жанры.

В новаторских исследованиях отечественных востоковедов академиков И.Ю. Крачковского и А.Е. Крымского содержался анализ того, как в новой арабской литературе постепенно создавались предпосылки для выражения нового, актуального для общественного сознания арабских стран содержания [8; 5; 6]. Формирование новых прозаических жанров, как настаивали ученые, проходило при сложном взаимодействии / противодействии двух факторов: 1. традиционная, классическая номенклатура прозаических жанров модернизировалась в соответствии с требованиями времени; 2. новые прозаические жанры создавались на основании использования опыта европейских литератур. При этом А.Е. Крымский, отмечая элементы европейской традиции, все же отдавал должное влиянию внутренних стимулов развития прозаических жанров в новой араб-

ской литературе, тогда как И.Ю. Крачковский уделял преимущественное внимание рассмотрению европейского воздействия[1].

Согласно мнению И.Ю. Крачковского, высказанному в 1909 г., «органическое плодотворное развитие» арабской литературы в VII–XV вв. завершилось в позднее Средневековье (XVI–XVIII вв.); «мертвая литература» VII–XV вв. в Новое время уступила место литературе «новой, живой, развивающейся», которая представляет собой не столько органическое развитие средневековой арабской литературы, «сколько пересаженное с европейской почвы растение» [6, с. 20–25] (см. также: [7, с. 571–572]). В более поздних работах по мере накопления сведений об арабской литературе XIX – первой половины XX в. И.Ю. Крачковский корректирует свои представления, объективно сближаясь с позицией А.Е. Крымского. Корректировка состояла в уточнении: новая проза в ряде отношений представляла собой результат органической трансформации и развития некоторых значимых характеристик арабской средневековой прозы.

Признавая неоспоримые заслуги А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского в изучении арабской литературы XIX – первой трети XX в., следует вместе с тем заметить, что отсутствие необходимой временно́й дистанции от анализировавшихся ими значительных явлений новой арабской литературы приводило к погрешностям в восприятии тех или иных произведений с деформацией представлений о некоторых важных элементах литературного процесса в целом (см.: [3, с. 40–42 и др.]). Труды А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского роднит — при различии ряда зачастую важных оттенков — сходная оценка роли элементов классической жанровой структуры в новой арабской литературе. В несколько упрощенном виде интерпретация ученых может быть представлена так: обращение авторов новой арабской литературы к устаревшим формам средневековых прозаических жанров не может квалифицироваться европейским наблюдателем как рекомендуемый прием для ее плодотворного развития, хотя и не исключает возможность создания современных по своему содержанию произведений.

И.Ю. Крачковский и А.Е. Крымский уделяли в своих трудах внимание различным жанрам арабской прозы позднего Средневековья, однако

1 По словам В.Н. Кирпиченко, ученые определяли «цепь трансформаций традиций классической арабской прозы в новые прозаические формы, перенимаемые у европейской литературы» [4, с. 249].

их потенциал при формировании обновительского движения расценивался по-разному. Так, оба ученых, анализировавшие памятники «книжного эпоса» («народные романы») «Сират Антар», «Киссат бани Хилал», «Сират Зу-л-химма», «Сират Сайф Зу-л-Йазан», «Сайф ат-тиджан», «Сират Байбарс» и др., не видели в них провозвестников грядущего возвышения прозаических жанров в литературе арабских стран [6, с. 21–25; 8, с. 49–77].

В то же время некоторые другие жанры, напротив, квалифицировались А.Е. Крымским и И.Ю. Крачковским как в той или иной степени обладающие потенциалом ускорения процесса обновления прозы в новой арабской литературе. В данном контексте в трудах двух наших именитых соотечественников и ряда европейских исследователей значительное внимание уделяется обсуждению места средневекового жанра *макама* в арабской литературе XIX – начала XX в. И именно о *макаме* А.Е. Крымский сказал, что этот «литературный жанр, не переставая сильно модифицироваться и модернизироваться, не изжил себя в новоарабской литературе», сохраняя органическую связь как со средневековой традицией, так и с романом «новоевропейского типа» [8, с. 688]. Размышления А.Е. Крымского о «средневеково-арабском “макамном” жанре, примененном на новый лад» [8, с. 688] в новой арабской литературе, и сегодня выглядят достаточно убедительными и заслуживают подробного рассмотрения в нашей статье.

Непосредственным поводом, привлекшим внимание европейских востоковедов и положившим начало оживленному обсуждению судьбы классического жанра в новой арабской литературе, стала публикация в 1856 г. известным писателем Насифом ал-Йазиджи (1800–1871) сборника *макам* «Маджма‘ ал-бахрайн» («Слияние двух морей»).

В свое время А.Е. Крымский рассказал о переписке ал-Йазиджи с немецким арабистом Х.Л. Флейшером, в которой проливался свет на некоторые важные обстоятельства, связанные с замыслом данного труда. Работая над сборником, ал-Йазиджи послал в 1849 г. одну из готовых *макам* Х.Л. Флейшеру, чтобы узнать мнение последнего о своем замысле. В сопроводительном письме на арабском он объяснил, что берется за составление своих *макам* «по образцу» (*‘ала насак*) *макам* ал-Харири (446/1054–516/1122) с филологической целью [22, S. 96–97]. В своем комментарии к публикуемому письму Х.Л. Флейшер усомнился в целесообразности подоб-

ного замысла, поскольку считал, что искусственно подражать знаменитому средневековому автору *макам* во второй половине XIX в. значило, по его мнению, содействовать застою новоарабской литературы [8, с. 432–433].

Мнение Х.Л. Флейшера и по прошествии значительного времени после выхода в свет *макам* ал-Йазиджи разделялось многими видными европейскими востоковедами-арабистами. И.Ю. Крачковский, характеризуя в 1909 г. ал-Йазиджи как последнего значительного представителя литературного жанра *макама*, считал, что его «деятельность вращалась исключительно в традиционных рамках схоластического средневековья» и что он «оказал вредное влияние на молодую литературу, выдвигая своими работами на первый план исключительно филологические, а не реальные интересы и, таким образом, замыкая новую литературу в тот заколдованный круг, в котором погибла древняя» [6, с. 19–46] (см. также: [5]). Столь же определенен в своей оценке 1928 г. и Х.А.Р. Гибб: ал-Йазиджи «поставил целью своей жизни восстановить чисто классический арабский язык в его старинном состоянии и вымести прочь все безобразящие его новшества в стиле и мыслях <...>. Он отвергал всякое приспособление к современности» [23, p. 750] (пер. цит. по: [8, с. 505–506]).

В контексте анализа творчества Насифа ал-Йазиджи европейские исследователи значительное внимание уделяли обсуждению в целом места средневекового жанра *макамы* в арабской литературе XIX – начала XX в., затрагивалась и история возникновения и формирования жанра в средневековую эпоху. Скажем об этом подробнее.

Основоположником жанра, как принято считать, был ал-Хамазани (ал-Хамадани) (358/968–398/1008), а самым знаменитым автором *макам* стал уже упоминавшийся ал-Харири (446/1054–516/1122). Главный герой циклов *макам* ал-Хамазани и ал-Харири — ловкий и предприимчивый бродяга, но вместе с тем образованный и талантливый рассказчик, добывающий средства к существованию хитростью, а иногда и мошенничеством и при этом неизменно ловко выпутывающийся из самых трудных положений.

Арабский жанр получил распространение в ряде средневековых литератур Ближнего и Среднего Востока. При наличии сходных черт *макамы* можно лишь достаточно условно, как отмечают исследователи, соотносить с европейскими плутовскими новеллами. Циклизация *макам* в творчестве

ал-Хамазани и ал-Харири и их многочисленных последователей не привела к рождению плутовского романа в арабской литературе[2].

Средневековые *макамы*, как правило, представляют собой прозиметрические тексты: пассажи с рифмованной ритмизованной прозой сочетаются в них со многими стихотворными вставками. Для большинства авторов данного жанра характерно тяготение к технически трудно выполнимым заданиям в стилевой сфере. *Макамы* ал-Хамазани и ал-Харири написаны усложненным «украшенным», орнаментальным стилем; они создавались в тот период, когда в классической арабской литературе поиск новых художественных ресурсов был связан с развитием экспрессивных возможностей фигуративной речи. Этот процесс получил явственные очертания с формированием стилистического течения *бади‘* (II/VIII в.), приобретшего значительный размах к концу IV/X в. Эволюция системы проходила за счет разработки средств выразительности, отдельные фигуративные приемы в литературах Ближнего и Среднего Востока, составлявших в известных пределах единый художественный универсум, свидетельствовали о возрастании значения графического уровня текста и непосредственном расчете на зрительное восприятие. Арабские, персидские и тюркские поэты, начиная с IV–V / X–XI вв., вовлекали фигуративные графические средства в сферу художественной активности и превращали их в семантически значимые.

Интенсивное развитие приемов фигуративной речи в классической арабской литературе, начиная с II–III / VIII–IX вв., зачастую трактовалось европейскими востоковедами второй половины XIX – первой половины XX в. как увлечение «формалистическими ухищрениями», «экстравагантными риторическими играми», свидетельствовавшими о безусловном примате «формы» над «содержанием» в средневековом художественном сознании. Как и прочие средства развития экспрессивных возможностей средневековой арабской литературы, графические фигуры получали в основном негативную оценку в европейском литературоведении, хотя их аналоги, игравшие значительную роль и в европейской литературе того же и других периодов, получали у европейских исследователей куда более благосклонное освещение. Данный подход нашел свое отражение и в оценке

2 Подробнее см.: [19, p. 107–115; 21, p. 507–508; 16, с. 275–316; 1, с. 3–14; 2, с. 9–24; 24].

произведений средневекового жанра *макамы*: усложненный, «окрашенный» стиль *макам* нередко характеризовался как «вычурный»[3]. Подобная интерпретация стиля средневековых *макам* в целом была перенесена на произведения этого жанра в XVI–XVIII вв.: *макамы* в позднее Средневековье нередко трактовались востоковедами как одно из свидетельств упадка арабской классики в этот период ввиду самоцельного увлечения их авторов презентацией фигур, якобы подавлявшего художественность литературы[4].

После краткого по необходимости введения в историю жанра *макамы* в средневековой арабской литературе можно вернуться к рассмотрению сборника *макам* Насифа ал-Йазиджи «Слияние двух морей». Один из самых обстоятельных анализов этого собрания был дан в свое время А.Е. Крымским. Характеризуя *макамы* ал-Йазиджи как «архаизированные», ученый пишет, что их отличает крайняя «вычурность словесной отделки, вылощенность формы», тогда как по содержанию все они «не выходят из сферы перепевов Харирия с бытовыми темами давно ушедших халифатских времен» при полном отсутствии «чувства современной действительности» [8, с. 682, 357].

Постараемся коротко определить, насколько соответствует подобная оценка творчества ал-Йазиджи нынешнему состоянии арабистических исследований, основывающихся на изменившихся историко- и теоретико-литературных представлениях и опирающихся на значительно увеличившуюся базу данных по истории новой и новейшей арабской литературы. Жанр *макамы* занимает в истории арабской словесности особое место не только как изощренная форма повествовательной прозы, но и как специфическая модель литературного красноречия, в которой риторическое мастерство становится самоцелью и предметом художественного состязания.

3 Приведем характеристику И.Ю. Крачковского: «В арабской литературе до второй половины прошлого столетия <XIX в. — *А.К.*> особенной популярностью пользовался один род произведений, известных под именем “макам” <...>. Арабы ценят в макамах не содержание, а форму, которая крайне вычурна и едва ли может быть передана на каком бы то ни было языке. Макамы написаны всегда рифмованной прозой в перемежку со стихами, с массой звуковых фигур, литературных намеков, цитат и т. д.» (из предисл. к: [28, с. 31]).

4 Не вдаваясь в эту обширную тему, отметим лишь одну характерную типологическую параллель с европейским барокко. Для представителей последнего видимая реальность была системой знаков, символов, прочтение и расшифровка которых вели к постижению духовного, вечного, нормативно-ценностного, истинного, идеального [15, с. 86]. Поэтому для барочной поэзии характерно «единство» смысловой и материальной сторон текста, осмысление же, «видение смысла» текста происходит «через неотрывный от него графический облик» [14, с. 650]. Подробнее см. в наших работах: [12; 9; 11].

Макама изначально предназначалась для демонстрации силы слова — его способности убеждать, поражать, вводить в заблуждение, вызывать эстетическое наслаждение и интеллектуальное соучастие адресата. В XIX в., в эпоху формирования новой арабской литературы, трансформации традиционных жанров и перестройки жанровой системы в целом обращение к *макаме* приобретает особый смысл: оно оказывается формой осознанного диалога с риторическим каноном средневековой культуры. Рассмотрение эволюции *макамы* в этот период позволяет выявить скрытую преемственность риторического типа художественного мышления, сохраняющего до поры до времени свою продуктивность даже в условиях радикального изменения литературной системы.

Остановимся подробнее прежде всего на оценке «словесной отделки» «Слияния двух морей». В упомянутом выше письме к Флейшеру ал-Йазиджи прямо отметил, что осуществлял ее «по образцу» (*ʻала насак*) *макам* своего выдающегося предшественника ал-Харири. Ограничимся в настоящей статье несколькими краткими ссылками с описанием изобразительных фигур в «Маджмаʻ ал-бахрайн» без их специального детального рассмотрения, по той простой причине, что, по справедливому замечанию И.Ю. Крачковского, фигуры в арабской графике едва ли могут быть адекватно переданы в публикации на языке с иной графикой. И второе разъяснение, которое необходимо сделать до обзора примеров фигуративных приемов в *макамах* ал-Йазиджи. В поэтологических трудах средневековых арабских ученых эксплицитно не рассматривается возможность использования графических средств в поэзии и прозе, тогда как в трактатах фарсиязычных теоретиков многие подобные приемы, напротив, достаточно подробно анализируются на материале арабской, а затем и персидской литературы, унаследовавшей и развившей основные признаки стиля *бади‘*. Заметим в этой связи, что в персидском трактате по поэтике иранского автора Ватвата (ум. в 1177/8 или в 1182/3) неоднократно цитируется ал-Харири (7 стихотворных и 4 прозаических примера), арабские *макамы* которого служили ему одним из основных источников иллюстрации ряда графических фигур, включенных в теорию *бади‘*. Примеры из ал-Харири, как подчеркивает Н.Ю. Чалисова, — это «графические трюки», относящиеся в основном «к позднему этапу развития теории бади‘, когда “оформляются” многочисленные приемы, отражающие и вместе с тем закрепляющие в качестве нормы искусственно-усложненный

орнаментальный стиль поэзии и прозы (выделено Н.Ю. Чалисовой. — *А.К.*)» [18, с. 54, 60]. В нашей статье соответствующие фигуративные приемы арабских *макам* ал-Харири и ал-Йазиджи будут снабжаться (при их наличии в персидском трактате) соответствующими ссылками на Ватвата, регламентировавшего их использование.

Для составления общего представления о «словесной отделке» «Слияния двух морей» назовем только некоторые из репрезентативных фигуративных средств в *макамах* ал-Йазиджи.

Так, в *макаме* № 15 ал-Йазиджи приводит: 1) стихи и фразы, включающие слова, составленные из букв без диакритических точек [27, с. 114–116][5]; 2) стихи и фразы, включающие слова, составленные из букв обязательно с диакритическими точками [27, с. 117–118][6]; 3) чередование полустиший со словами без букв с точками с полустишиями со словами с буквами только с точками [27, с. 119–120]; 4) стихи, в которых слова только с точками строго чередуются со словами только без точек [27, с. 120–121][7]; 5) стихи, составленные из слов, в которых буквы с точками строго чередуются с буквами без точек [27, с. 121–122][8].

В *макаму* № 20 ал-Йазиджи поместил 6) объемный палиндром [27, с. 156–159][9], а также 7) стихи, которые можно прочитать и как восхваление, и как осмеяние, что достигается за счет включения в них таких слов, которые при сохранении их начертания (графической формы) меняют свой смысл на противоположный при изменении диакритических знаков и/или огласовок [27, с. 159–160][10].

5 Ср. с приемом *хазф*: [26, с. 149–150, 297–299] — приводятся прозаический и поэтический тексты из «Алеппской» макамы (№ 46) ал-Харири, из которых убраны «все буквы, имеющие точки» [30, с. 333].

6 Ср. с приемом *тавсил*: [26, с. 149, 195, 297].

7 См. о фигуре *ал-хайфа'*: [26, с. 151, 195, 300] — приводится пример из «Алеппской» *макамы* (№ 46) ал-Харири [30, с. 334–335].

8 См. о фигуре *ар-ракта'*: [26, с. 150, 195, 299–300] — приводится пример из ал-Харири: *Макама*, название которой «ар-Ракта'» (в переводе «Пятнистая»; № 26) стало наименованием фигуры в поэтике [30, с. 178].

9 В подстрочном примечании ал-Йазиджи пишет, что пример палиндрома имеется у ал-Харири — «Магрибинская» макама (№ 16) (см.: [30, с. 113]). В русском переводе палиндром («не буквенный, а словесный») назван «перевертышем», но, конечно, адекватно не воспроизводит «фокус» оригинала [29, с. 84]. См. о *маклубат* (*палиндромах*): [26, с. 102–117, 180–181, 241–243].

10 Ср. с приемом *мусаххаф*: [26, с. 151–152, 300–302].

После беглого по необходимости обзора приемов фигурной речи обратимся ко второй стороне сборника *макам* ал-Йазиджи — его содержанию, которое, по приведенному выше мнению А.Е. Крымского [8, с. 682, 357], разделявшемуся подавляющим большинством европейских востоковедов, не выходит «из сферы перепевов Харирия» при полном отсутствии «чувства современной действительности». Оценки востоковедов прошлого подкреплялись общим обзором «Слияния двух морей», а одна из *макам* сборника удостоилась перевода на немецкий в упоминавшейся выше публикации Х.Л. Флейшера и двух переводов на русский и последующего более внимательного изучения. Рассмотрим эту *макаму*, доступную и русскому читателю, в качестве типичного образчика творчества ал-Йазиджи.

Третья *макама* сборника «Маджмаʿ ал-бахрайн», как и большинство *макам* ал-Хамазани и ал-Харири, названа автором по месту событий, описанных в ней, — «Акикская» [27, с. 14–20]. (Ал-ʿАкик — город в Аравии, название *макамы* «Проповедник» в русских переводах не принадлежит автору.) Исследователи без труда установили ее сходство с Савской *макамой* ал-Харири (№ 21 [30, с. 78–83]). В обоих случаях описывается очередная плутовская проделка героя, который под видом некоего благообразного старика выступает с красноречивой проповедью на похоронах, прибегая для пущей убедительности своих речей к цитатам, аллюзиям, реминисценциям и выражениям из Корана[11], после чего растроганные слушатели щедро осыпают его дарами. В обеих *макамах* повествователь в конце концов узнает в проповеднике давно знакомого ему плута, чей образ жизни никак не соответствует тем увещеваниям, с которыми он выступал на кладбище. В обеих *макамах* разоблаченный обманщик с насмешкой выслушивает отповедь повествователем и, как всегда, избегает какого бы то ни было наказания.

После беглого обзора «Слияния двух морей» пришло время попытаться определить, сыграл ли Насиф ал-Йазиджи заметную роль в процессе эволюции *макамы* в арабской литературе XIX в.

Приводившиеся выше оценки авторитетных востоковедов прошлого, казалось бы, не дают оснований для положительного ответа на этот вопрос. И.Ю. Крачковский назвал опубликованную им в переводе *макаму*

11 Ал-Харири обращается к Корану 7 раз [31, p. 100–102]; в русском переводе обращения к Корану в этой *макаме* не указаны [29]; ал-Йазиджи — не менее 8 раз [22, S. 101–102; 28, с. 31–34].

ал-Йазиджи хорошим образцом арабской литературы середины XIX в. — «периода, более примыкающего к древности, чем к новому времени», а самого ее автора — «последним эпигоном этого жанра» [28, с. 31]. Х.А.Р. Гибб утверждал, что Насиф ал-Йазиджи «отвергал всякое приспособление к современности» [23, p. 750]. А.Е. Крымский в своем фундаментальном труде о новой арабской литературе по разным поводам упоминает «архаизированные старосветские макамы Насифа Язиджия начальной половины предыдущего XIX в.» [8, с. 681]. Однако при более внимательном ознакомлении с их трудами картина не выглядит столь однозначно определенной. И.Ю. Крачковский в статьях о новой арабской литературе вносит коррективы в, казалось бы, сложившиеся оценки: «Несмотря на свою строго консервативную настроенность, ал-Йазиджи оказал своими работами большое влияние на новую арабскую литературу»; «Особую славу на Востоке и в Европе ал-Йазиджи приобрел как последний значительный представитель литературного жанра макам» [5, с. 230–231]. Проведя сравнение произведений ал-Харири и ал-Йазиджи, А.Е. Крымский назвал *макаму* последнего *расцвеченным подражанием макаме* первого. Тем не менее ученый полагает, что ал-Йазиджи «на короткой теме Харирия построил целый ряд добавочных интересных сценок из халифатского быта, на которые у Харирия нет даже намека»; «По своей фабуле эта макама Язиджия и соответствующая макама Харирия, конечно, тождественны. Самостоятельное творчество Язиджия проявляется здесь в обработке отдельных подробностей, в своих добавках и видоизменениях. В последующих своих макамах Язиджий позволял себе значительные отступления от Харирия также в фабулах: он и их изменял и придумывал нечто свое» [8, с. 433, 435].

Х.Л. Флейшер, принимая во внимание слова из письма ал-Йазиджи 1849 г.: «В настоящее время нам пришла в голову мысль составить макамы по образцу (*ʿala nasak*) харириевских макам», высказался об отношении своего корреспондента к творчеству знаменитого средневекового автора *макам*: «шейх Насиф, по-видимому, в большей мере ученик, нежели переписчик Харири» [22, S. 96–97]. Данное рассуждение заслуживает более детального рассмотрения.

Для характеристики произведений автора новой арабской литературы ал-Йазиджи Х.А. Флейшер, А.Е. Крымский и многие другие восточные и западные наблюдатели прибегали к определениям: созданы «по образцу»

средневековых шедевров или в «подражание» им и т. п. Арабские литераторы и европейские ученые в равной мере опирались на зафиксированные автохтонной филологической традицией свидетельства о живом литературном процессе с той лишь разницей, что интерпретации статусов зачинателей и последователей, учителей и учеников, следование давним канонам у тех и у других чаще всего получали разные оценки. Действительно, ал-Йазиджи написал Х.Л. Флейшеру, что будет составлять свои *макамы*, опираясь на высокие образцы ал-Харири; его сборник, вышедший в 1856 г., во многом подтвердил выполнение такого намерения и получил восторженный прием в арабском мире. Х.Л. Флейшер же, как и большинство европейских ученых, уже по самому факту формулирования подобного замысла ал-Йазиджи, а позднее и в связи с его осуществлением заявил о его бесполезности — и даже вредности — для становящейся новой арабской литературы. Попытаемся выяснить причины принципиального расхождения позиций.

В предисловии к «Слиянию двух морей» ал-Йазиджи привел дополнительные разъяснения относительно замысла своего сборника. Он будет составлять свои произведения «по образцу макам ал-Харири» (*ʻала насак ал-макамати ал-харирийя*), хотя и признает, что привнесение чего-то нового в них является делом крайне трудным после того, как широкую известность получили *макамы* таких великих средневековых авторов, как ал-Харири, Бадиʻ аз-Заман и др. [27, с. 2–3].

В своем предуведомлении ал-Йазиджи в полном соответствии с издавна утвердившейся традицией следует знаменитым предшественникам. Ал-Харири, например, в введении к сборнику *макам* написал, что Бадиʻ аз-Заман ал-Хамазани первым начал составлять *макамы* и что он, ал-Харири, составляя свои *макамы*, «следовал по стопам Бадиʻ» (*атлу фиха тилва ал-Бадиʻ*). Ал-Харири добавил, что всякий, кто приступит к написанию *макам* после Бадиʻ, сможет удачно вступить на этот путь, лишь следуя указаниям непревзойденного предшественника (*анна ал-мутасаддиа баʼдаху ли инша'и макаматин <...> ла йасри залика ал-масра илла би далалатихи*) [30, с. 12–14].

Европейские востоковеды, ссылаясь в своих оценках творчества ал-Харири на его предисловие к сборнику, пишут: м*акамы* ал-Харири суть «очень точное подражание» *макамам* ал-Хамазани; «*макамы* ал-Харири — не более чем бледное отражение *макам* ал-Хамазани» [25, p. 221–222]; «по

его собственному признанию, ал-Харири смоделировал свои *макамы* по образцу *макам* Бади‘ аз-Заман аль-Хамазани» [20, p. 272].

В нашей статье не имеет смысла вдаваться в обсуждение приведенных оценок соотношения творчества двух выдающихся средневековых авторов *макам*, поскольку это увело бы нас от обсуждения главной темы. Мы лишь обратим внимание на то, что понимание феномена «подражание» не однозначно и характеризуется важными отличиями в трудах европейских и арабских ученых и литераторов при его рассмотрении в разные периоды истории арабской литературы. Европейские ученые при исследовании 1) соотношения творческих потенциалов двух средневековых авторов и 2) соотношения творчества автора XIX в. ал-Йазиджи со средневековым автором ал-Харири, используя концепт «подражание», в первом случае не говорят о том, что «подражание» ал-Харири — «следование по стопам» ал-Хамазани — способствовало «застою» средневековой литературы, тогда как «подражание» ал-Йазиджи — составление макам *«по образцу»* ал-Харири — вело, по их мнению, к упадку новой арабской литературы. Арабские литераторы и филологи, напротив, не видели принципиальных расхождений в двух рассматриваемых случаях. Ал-Йазиджи, автор XIX в., говоря о замысле своего сборника, эксплицитно причисляет себя к числу авторов, которые должны составлять свои *макамы*, ориентируясь на выдающиеся средневековые образцы. Иначе говоря, он относит себя к авторам позднесредневековой эпохи, создававшим свои произведения по законам арабской литературы средневекового периода. Точно так же и его соотечественники оценивали (и оценивали высоко) достоинства его *макам*, относя их по основным параметрам к средневековому типу художественного мышления и проецируя их на высшие достижения авторов этого жанра классического периода арабской литературы. Европейские же ученые видели в ал-Йазиджи автора эпохи нарождавшейся новой арабской литературы, которая должна была, по их мнению, отличаться — и даже противостоять — средневековой литературе даже в высочайших ее достижениях. Поэтому и *макамы* ал-Йазиджи они расценивали как никчемные вычурные поделки, поскольку их автор, также, по их мнению, должен был не «подражать» средневековым кумирам, а стремиться дистанцироваться от них, создавая предпосылки для формирования новой арабской литературы.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что расхождения в оценках арабских и европейских литераторов и ученых происходили из-за того, что первые относили его творчество и творчество средневековых авторов к арабской литературе, находившейся в лоне одного типа художественного сознания — т. е. средневекового, тогда как вторые настойчиво твердили о разных периодах истории арабской литературы и говорили о необходимости перестройки художественного сознания арабских авторов XIX в., в том числе и ал-Йазиджи, согласно требованиям новой эпохи. Соответственно, и отсутствие претензий к ал-Харири, «подражавшему» ал-Хамазани, и предъявление таковых к ал-Йазиджи объясняется тем, что в первом случае речь шла о «подражании» в пределах одной эпохи и одного типа художественного сознания, тогда как во втором случае речь шла, по их представлениям, о неправомерности самого «подражания», ибо касалась взаимоотношений авторов, принадлежащих разным литературным эпохам.

«Подражания» создавались в мировой литературе на протяжении всего Средневековья. Главным элементом в концепции «подражания» той эпохи, согласно средневековым и современным ученым, являлось представление о нем как о своего рода *соперничестве*, *состязании*. Суть *соперничества* сводилась к тому, что «подражатель» выступал не как бездумный копиист предшественника, а как его соперник. И это при том непременном условии, что объектом для «подражания» должны были становиться не рядовые, а образцовые в том или ином отношении произведения. Удачным «подражание» считалось лишь в том случае, если его автор смог превзойти — или по меньшей мере быть на уровне — предшественника в воплощении определенных элементов содержания или формы «образца».

Средневековое понимание «соперничества» при «подражании» зиждилось на внеисторизме (аисторизме) традиционалистского художественного сознания; в средневековой «письменности было “одновременно”, а вернее вневременно все, что написано сейчас или в прошлом», — говорит Д.С. Лихачев [13, с. 95]. Аисторизм выражался в «снятии» хронологической дистанции при сопоставлениях произведений: временной интервал в пятьсот и даже тысячу лет не смущал ученых, оценивавших результаты «сопер-

ничества», не учитывалась принадлежность сопоставлявшихся авторов не только разным эпохам, но и разным литературам и культурам[12].

В свете уточнения природы концепта «подражания» можно вернуться непосредственно к рассмотрению эволюции жанра *макамы* в арабской литературе XIX – первой трети XX в. В нашей статье сопоставлялись «подражание» ал-Харири (446/1054–516/1122) *макамам* ал-Хамазани (358/968–398/1008) и «подражание» ал-Йазиджи (1856) — *макамам* ал-Харири. В первом случае временная дистанция между двумя сборниками укладывается в пределы 110 лет, во втором — она никак не меньше 750 лет! В первом случае сопоставление корректно, по мнению и восточных и европейских ученых, поскольку речь идет о нестилизационных подражаниях. Во втором — проецирование *макам* «Слияния двух морей» на *макамы* ал-Харири корректно для представителей арабского мира в конце первой половины XIX в., ибо они квалифицировали их как такие же подлинные *нестилизационные подражания* средневековому предшественнику. Однако подобное проецирование не корректно для европейских ученых, так как, по их убеждению, автор новой арабской литературы не может создавать значимые произведения в «подражание» средневековому авторитету, жившему задолго до него в другую литературную эпоху.

В заключение нам предстоит попытаться выяснить, насколько были верны представления арабских литераторов и филологов, с одной стороны, и европейских ученых — с другой — о роли ал-Йазиджи в процессе становления новой арабской литературы. Несмотря на ссылки ал-Йазиджи на выдающихся средневековых авторов *макам*, его сборник «Слияние двух морей» во многом отличается от классических образцов. Дело здесь не сводится к изменениям в рамках «соперничества», которое было основным требованием при создании нестилизационных подражаний: «обработке отдельных подробностей», в «добавках и видоизменениях», «значительных отступлениях <...> в фабулах» от ал-Харири [8, с. 433, 435]. Ал-Йазиджи стремился наполнить свой труд (как в самих *макамах*, так и в комментариях к ним) полезными сведениями из области не только филологии (изложена суть арабской грамматики, главные правила арабского стихосложения, даны разъяснения по истории бади‘ с указанием роли основоположника научно-

12 Средневековые «подражания» подобного типа Д.С. Лихачев называет «нестилизационными» (подробнее см.: [13, с. 20, 94–95, 184, 208 и др.]; см. также: [10]).

го изучения этого стиля известного поэта и филолога Ибн ал-Му‘тазза /ум. 296/908/), но и других наук: географии, астрономии, истории, археологии, медицины [22, S. 96–97; 8, с. 433–437].

В начале статьи было приведено мнение А.Е. Крымского о судьбе жанра *макамы* в XIX – начале XX в., который, «не переставая сильно модифицироваться и модернизироваться, не изжил себя в новоарабской литературе» [8, с. 688]. Проведенный анализ свидетельствует, на наш взгляд, что ал-Йазиджи внес значительный вклад в процесс модернизации жанра. Ал-Йазиджи продолжает традицию *макамы* как пространства словесного состязания, где подражание мыслится не как копирование, а как соперничество, а красноречие — как высшая форма интеллектуальной и эстетической игры. Его сборник «Слияние двух морей» увидел свет, когда средневековый тип риторического мышления еще не утратил своей внутренней цельности и креативности, несмотря на давление новых литературных моделей. В этом смысле эволюция *макамы* в XIX в. свидетельствует о сложном сосуществовании различных форм красноречия в переходную эпоху, когда смена литературных парадигм не отменяла, а создавала условия для переосмысления ценности риторической традиции.

В середине XIX в. ал-Йазиджи, оставаясь верным основным требованиям классической поэтики «нестилизационного подражания», представил свое понимание назначения *макам* «Слияния двух морей» в свете набиравшего силу в арабских странах просветительского движения. Вовсе не случайно «Слияние двух морей» в те же годы было названо «курсом литературы и истории арабов в форме макам», «подлинным рудником филологического знания» [8, с. 437]. Подобные определения подчеркивают радикальное отличие труда ал-Йазиджи от сборников *макам* классического периода арабской литературы (подробнее см.: [17]). После ал-Йазиджи отход от средневековых канонов жанра приобретал новые импульсы; арабские авторы продолжали сочинять *макамы*, но уже без отсылок к средневековым образцам; риторические украшения играли в них все более и более незначительную роль, пока совсем не угасли. Модернизированная *макама* повлияла на становление современного рассказа, превратилась в важный фактор формирования новой арабской прозы.

Список литературы

Исследования

1 *Борисов В.М., Долинина А.А.* Вступительная статья // *Харири аль-. Абу Мухаммед аль-Касим.* Макамы. Арабские средневековые плутовские новеллы / пер. с араб. В.М. Борисова, А.А. Долининой, В.Н. Кирпиченко; примеч. и словарь А.А. Долининой. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1987. 267 с.

2 *Долинина А.А.* Бади' аз-Заман ал-Хамадани и его макамы // *Хамадани ал-. Бади' аз-Заман.* Макамы / пер. А.А. Долининой, З.М. Ауэзовой; предисл. и коммент. А.А. Долининой. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. 240 с.

3 *Кирпиченко В.Н.* Новая арабская литература // Изучение литератур Востока: Россия, XX век. М.: Восточная литература, 2002. С. 35–60.

4 *Кирпиченко В.Н.* Послесловие // *Мухаммад ал-Мувайлихи.* Рассказ Исы ибн Хишама, или Период времени / изд. подгот. В.Н. Кирпиченко. М.: Наука, 2013. С. 249–279.

5 *Крачковский И.Ю.* Ал-Йāзиджӣ (1934) // *Крачковский И.Ю.* Избр. соч.: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 3. С. 229–233.

6 *Крачковский И.Ю.* Исторический роман в современной арабской литературе (1909–1911) // *Крачковский И.Ю.* Избр. соч.: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 3. С. 19–46.

7 *Крачковский И.Ю.* Общие соображения о плане истории арабской литературы (1944) // *Крачковский И.Ю.* Избр. соч.: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2. С. 563–574.

8 *Крымский А.Е.* История новой арабской литературы (XIX – начало XX века). М.: Гл. ред. вост. лит., 1971. 794 с.

9 *Куделин А.Б.* К характеристике канона арабской поэзии XIII–XVIII вв. // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 3. С. 130–155. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-130-155

10 *Куделин А.Б.* Нестилизационные подражания как явление мировой литературы Средних веков // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 101–112.

11 *Куделин А.Б.* Позднесредневековый период как переходная эпоха в истории арабской литературы // Дорога науки: сборник статей в честь 80-летия акад. М.Б. Пиотровского. Восточный факультет СПбГУ. СПб.: Изд-во РХГА, 2024. С. 601–618.

12 *Куделин А.Б.* Средневековая арабская графическая культура: от изобразительных фигур к рисуночному письму // *Куделин А.Б.* Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 240–254.

13 *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979. 376 с.

14 *Михайлов А.В.* «Западно-восточный диван» Гете: Смысл и форма // *Гете И.В.* Западно-восточный диван / изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. М.: Наука, 1988. С. 600–680.

15 *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.). М.: Наука, 1991. 263 с.

16 *Фильштинский И.М.* История арабской литературы. X–XVIII века. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1991. 726 с.

17 *Хасан М.Р.* Асар ал-макама фи наш'ат ал-кисса ал-мисрийя ал-хадиса (на араб. яз.). Каир: ал-Хай'а ал-мисрийя ал-'амма, 1974. 217 с.

18 *Чалисова Н.Ю.* Рашид ад-Дин Ватват и его трактат «Сады волшебства в тонкостях поэзии» // *Ватват Рашид ад-Дин.* Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хада'ик ас-сихр фи дака'ик аш-ши'р) / пер. с перс., исследов. и коммент. Н.Ю. Чалисовой. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1985. С. 9–82.

19 *Brockelmann C., Pellat Ch.* Maḳāma // Encyclopaedia of Islam. 2nd ed., 1954–2004. Leiden; London: E.J. Brill, Luzac& CO, 1991. Vol. VI. P. 107–115.

20 *Drory R.* Al-Ḥarīrī // Encyclopedia of Arabic Literature / ed. by J.S. Meisami and P. Starkey. London; New York: Routledge, 1998. Vol. 1–2. P. 272–273.

21 *Drory R.* Maqāma // Encyclopedia of Arabic Literature / ed. by J.S. Meisami and P. Starkey. London; New York: Routledge, 1998. Vol. 1–2. P. 507–508.

22 *Fleischer H.L.* Literarisches aus Beirut // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (ZDMG). 1851. Bd. 5. S. 96–103.

23 *Gibb H.A.R.* Studies in contemporary Arabic Literature. I. The Nineteenth Century // Bulletin of the School of Oriental & African Studies. 1928. Vol. IV. P. 745–760.

24 *Hämeen-Anttila J.* Maqama: A History of a Genre. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. 502 p.

25 *Margoliouth D.S., Pellat Ch.* Al-Ḥarīrī // Encyclopaedia of Islam. 2nd ed., 1954–2004. Leiden; London: E.J. Brill, Luzac& CO, 1986. Vol. III. P. 221–222.

Источники

26 *Ватват Рашид ад-Дин.* Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хада'ик ас-сихр фи дака'ик аш-ши'р) / пер. с перс., исслед. и коммент. Н.Ю. Чалисовой. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1985. 324 с.

27 *Йазиджи ал-. Н.* Маджма' ал-бахрайн (на араб. яз.). 5-е изд. Бейрут: ал-Матба'а ал-адабиййа, 1885. 437 с.

28 *Йазиджи Н.* Проповедник (Проповедник. Макама шейха Насыфа аль-Языджи) / пер. и предисл. И.Ю. Крачковского // Восток. 2. М.; П.: Гос. изд-во «Всемирная литература», 1923. С. 31–34.

29 *Харири аль-. Абу Мухаммед аль-Касим.* Макамы. Арабские средневековые плутовские новеллы / пер. с араб. В.М. Борисова, А.А. Долининой, В.Н. Кирпиченко;

вступ. ст. В.М. Борисова и А.А. Долининой; примеч. и словарь А.А. Долининой. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1987. 267 с.

30 *Харири ал-*. Макамы (на араб. яз.). Каир: Дар ал-Гад ал-джадид, 2016. 460 с.

31 Les Séances de Hariri. T. II / comm. choisi par S. De Sacy. 2 éd., revue et augmentée par M. Reinaud et M. Derenbourg. Paris: Imprimerie Impériale, 1853. 323 p.

References

1 Borisov, V.M., and A.A. Dolinina. “Vstupitel’naia stat’ia” [“Introductory Article”]. Al-Ḥarīrī, Abū Muḥammad al-Qāsim. *Makamy. Arabskie srednevekovye plutovskie novelly* [*Maqāmāt. Arabic Medieval Picaresque Novellas*], trans. from Arabian by V.M. Borisov, A.A. Dolinina, V.N. Kirpichenko, ref. and dictionary by A.A. Dolinina. Moscow, Nauka Publ., Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ., 1987. 267 p. (In Russ.)

2 Dolinina, A.A. “Badi‘ az-Zaman al-Hamadani i ego makamy” [“Badīʿ al-Zamān al-Hamadhānī and His Maqāmāt”]. Al-Hamadhānī, Badīʿ al-Zamān. *Makamy* [*Maqāmāt*], trans. by A.A. Dolinina, Z.M. Auezova, introd. and comm. by A.A. Dolinina. St. Petersburg, Tsentr “Peterburgskoe Vostokovedenie” Publ., 1999. 240 p. (In Russ.)

3 Kirpichenko, V.N. “Novaia arabskaia literatura” [“Modern Arabic Literature”]. *Izuchenie literatur Vostoka: Rossiia, XX vek* [*Studies of Eastern Literatures: Russia, 20th Century*]. Moscow, Vostochnaia Literatura Publ., 2002, pp. 35–60. (In Russ.)

4 Kirpichenko, V.N. “Posleslovie” [“Afterword”]. Muḥammad, al-Muwayliḥī. *Rasskaz Isy ibn Khishama, ili Period vremeni* [*The Story of ʿĪsā ibn Hishām, or The Period of Time*]. Moscow, Nauka Publ., 2013, pp. 249–279. (In Russ.)

5 Krachkovskii, I.Iu. “Al-Iazidzhi” [“Al-Yāzijī”]. Krachkovskii, I.Iu. *Izbrannye Sochineniia: v 6 t.* [*Selected Works: in 6 vols.*], vol. 3. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1956, pp. 229–233. (In Russ.)

6 Krachkovskii, I.Iu. “Istoricheskii roman v sovremennoi arabskoi literature (1909–1911)” [“The Historical Novel in Modern Arabic Literature (1909–1911)”]. Krachkovskii, I.Iu. *Izbrannye Sochineniia: v 6 t.* [*Selected Works: in 6 vols.*], vol. 3. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1956, pp. 19–46. (In Russ.)

7 Krachkovskii, I.Iu. “Obshchie soobrazheniia o plane istorii arabskoi literatury (1944)” [“General Considerations on the Plan of a History of Arabic Literature (1944)”]. Krachkovskii, I.Iu. *Izbrannye Sochineniia: v 6 t.* [*Selected Works: in 6 vols.*], vol. 2. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1956, pp. 563–574. (In Russ.)

8 Krymskii, A.E. *Istoriia novoi arabskoi literatury (XIX – nachalo XX veka)* [*History of Modern Arabic Literature (19th – Early 20th Century)*]. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ., 1971. 794 p. (In Russ.)

9 Kudelin, A.B. “K kharakteristike kanona arabskoi poezii XIII–XVIII vv.” [“On Distinctiveness of the Arabic Poetic Canon of the 13th to 18th Centuries”]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 130–155. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-130-155 (In Russ.)

10 Kudelin, A.B. “Nestilizatsionnye podrazhaniia kak iavlenie mirovoi literatury Srednikh vekov” [“Non-Stylistic Imitations as an Event in World Literature of the Middle Ages”]. *Vestnik slavianskikh kul’tur*, vol. 48, 2018, pp. 101–112. (In Russ.)

11 Kudelin, A.B. “Pozdnesrednevekovyi period kak perekhodnaia epokha v istorii arabskoi literatury” [“Late Medieval Period as a Transitional Era in the History of Arabic Literature”]. *Doroga nauki: sbornik statei v chest’ 80-letiia akademika M.B. Piotrovskogo. Vostochnyi fakul’tet SPbGU* [*The Path of Scholarship: Festschrift in Honour of the 80th Anniversary of Academician Mikhail Piotrovsky. Faculty of Asian and African Studies of St. Petersburg State University*]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2024, pp. 601–618. (In Russ.)

12 Kudelin, A.B. “Srednevekovaia arabskaia graficheskaia kul’tura: ot izobrazitel’nykh figur k risunochnomy pis’mu” [“Medieval Arabic Graphic Culture: from Pictorial Figures to Drawing Script”]. Kudelin, A.B. *Arabskaia literatura: poetika, stilistika, tipologiia, vzaimosviazi* [*The Arabic Literature: A Poetics, Stylistics, Typology, Connections*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2003, pp. 240–254. (In Russ.)

13 Likhachev, D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [*The Poetics of Old Russian Literature*]. 3rd ed. Moscow, Nauka Publ., 1979. 376 p. (In Russ.)

14 Mikhailov, A.V. “‘Zapadno-vostochnyi divan’ Gete: smysl i forma” [“‘West-Eastern Diwan’ by Goethe: Its Meaning and Form”]. Goethe, J.W. von. *Zapadno-vostochnyi divan* [*West-Östlicher Divan*], comp. by I.S. Braginskii, A.V. Mikhailov. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 600–680. (In Russ.)

15 Sazonova, L.I. *Poeziia russkogo barokko (vtoraia polovina XVII – nachalo XVIII v.)* [*Poetry of the Russian Baroque (Second Half of the 17th – Early 18th Centuries)*]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 263 p. (In Russ.)

16 Fil’shtinskii, I.M. *Istoriia arabskoi literatury. X–XVIII veka* [*History of Arabic Literature: 10th–18th Centuries*]. Moscow, Nauka Publ., Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ., 1991. 726 p. (In Russ.)

17 Ḥasan, Muhammad Rushdi. *Aṯar al-maqāma fī nash’at al-qiṣṣa al-miṣriyya al-ḥadīṯa*. Cairo, al-Hay’a al-miṣriyya al-ʿamma, 1974. 217 p. (In Arabic)

18 Chalisova, N.Iu. “Rashid ad-Din Vatvat i ego traktat ‘Sady volshebstva v tonkostyakh poezii’” [“Rashīd ad-Dīn Waṭwāṭ and His Work ‘Gardens of Magic in the Nuances of Poetry’”]. Rashīd, ad-Dīn Waṭwāṭ. *Sady volshebstva v tonkostiakh poezii (Khada’ik as-sikḥr fi daka’ik ash-shi’r)* [*Gardens of Magic in the Nuances of Poetry (Ḥadā’iq as-siḥr fī daqa’iq ash-shi’r)*], trans. from Persian, research and comm. by N.Iu. Chalisova. Moscow, Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury Publ., 1985, pp. 9–82. (In Russ.)

19 Brockelmann, Carl, and Charles Pellat. “Maḳāma.” *Encyclopaedia of Islam*, vol. VI. 2nd ed., 1954–2004. Leiden, London: E.J. Brill, Luzac& CO, 1991, pp. 107–115. (In English)

20 Drory, Rina. “Al-Ḥarīrī.” *Encyclopedia of Arabic Literature*, vol. 1–2, ed. by J.S. Meisami and P. Starkey. London and New York, Routledge, 1998, pp. 272–273. (In English)

21 Drory, Rina. “Maqāma.” *Encyclopedia of Arabic Literature*, vol. 1–2, ed. by J.S. Meisami and P. Starkey. London and New York, Routledge, 1998, pp. 507–508. (In English)

22 Fleischer, Heinrich Lebreht. “Literarisches aus Beirut.” *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (ZDMG)*. 1851. Bd. 5. S. 96–103. (In German)

23 Gibb, Hamilton Alexander Rosskeen. “Studies in contemporary Arabic Literature. I. The Nineteenth Century.” *Bulletin of the School of Oriental & African Studies*, vol. IV, 1928, pp. 745–760. (In English)

24 Hämeen-Anttila, Jaakko. *Maqama: A History of a Genre*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2002. 502 p. (In English)

25 Margoliouth, David Samuel, and Charles Pellat. “Al-Ḥarīrī.” *Encyclopaedia of Islam*, vol. III. 2nd ed., 1954–2004. Leiden, London, E.J. Brill, Luzac & CO, 1986, pp. 221–222. (In English)